

Деконструкция триалог в Иерусалиме. Деррида Ж., Хартман Д., Изер В. filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Деконструкция: триалог в Иерусалиме. Деррида Ж., Хартман Д., Изер В.

Жак Деррида (1930, Алжир) – философ, автор книг *De La Grammatologie* (1967), *L'Écriture et la Différence* (1967), *La Dissemination* (1972) и др. В русском пер. см.: Жак Деррида. *Back in the USSR* (М., 1993).

Вольфганг Изер (1926, Германия) – теоретик литературы, автор книг *Theorie ästhetischer Wirkung* (1976), *Der Akt des Lesens* (1976) и др.
Джефри Хартман (1929, Германия) – филолог и критик, автор книг *Beyond Formalism* (1970), *Saving the Text: Literature /Derrida/ Philosophy* (1981) и др.

Джефри Хартман. Итак, мы в Иерусалиме. Но почему мы в Иерусалиме? За себя я отвечаю сам, а что скажете Вы, Жак Деррида, и Вы, Вольфганг Изер? Жак Деррида. Иерусалим... Почему мы в Иерусалиме? С Иерусалимом столько связано, что ответить на этот вопрос всегда непросто... Мне вспоминаются слова Майстера Экхарта: "Иерусалим ближе моей душе, чем город, в котором я живу".

Есть, впрочем, и более явные причины нашего приезда. Мы гости Института передовых исследований, который проводит в Иерусалиме уже вторую конференцию: первая была посвящена книге Иеремии. Это была встреча библеистов с такой публикой, как мы – философами и литературоведами. Для меня это было большое событие. Среди других проблем, которые обсуждались на той конференции, я бы выделил проблему интерпретации сакральных и пророческих текстов на фоне светских и литературных.

Вольфганг Изер. Мои впечатления, в принципе, были близки к вашим. Прежде всего потому, что конференция позволила сравнить различные типы экзегезиса. Ученые нашего типа, т.е. философы и литературоведы, по-видимому, склонны к герменевтике, тогда как библеисты отдают предпочтение экзегетике. По-моему, эта конфронтация была очень полезной.

Дж.Х. Что Вы имеете в виду под герменевтикой?

В.И. Способ соотнесения читателем своего прошлого опыта с актуальным истолкованием этого опыта. Читатель Библии, наоборот, соотносит себя в настоящем с тем, что сказано сакральным текстом в прошлом, т.е. происходит инверсия акта интерпретации.

Дж.Х. Меня тоже интересует библеистика как наука, и мне тоже хотелось бы чему-то поучиться у библеистов. Предполагается, что у них есть чему поучиться. Во время дискуссии о книге Иеремии возникла тема феноменологии пророческого опыта, и мне показалось, что библеисты чувствовали себя не очень уверенно в этой области, тогда как мы взяли за тему довольно решительно.

Ж.Д. Да, я помню очень напряженную дискуссию по поводу того, что можно назвать дискурсом о будущем, который можно встретить почти в любом тексте на любом языке и к которому относится, в частности, пророческий текст. И здесь возникает вопрос, чем отличается собственно пророчество от того, что можно назвать пророческим тоном – например, в поэтических текстах на новых языках, – и чем отличается истинное пророчество от ложного, о чем говорится в книге Иеремии.

В.И. Если говорить о второй конференции, посвященной категориям негативности и отсутствия в современной философии, то в ней замечательно, что она тоже проходила в Иерусалиме – городе, который не только проделал длинный исторический путь, но и сохранил столько разных пластов культуры. Было бы интересно проанализировать с точки зрения современных концепций ту многослойную историческую ситуацию, в которой находимся мы сами.

Дж.Х. По правде говоря, эти термины – "негативность" и "отсутствие" – внушают дискомфорт. Очень трудно объяснить человеку со стороны, что это такое. В принципе можно согласиться, что развитие современной философии и литературной теории проходит под знаком негативности, и вместе с тем это трудно понять, поскольку возникает вопрос, в чем же тогда специфика деконструкции. Что, наконец, приводит нас к предмету нашего обсуждения.

Ж.Д. Я думаю, что выбор этой темы – рассуждая негативно – важен в стратегическом аспекте: именно в этой точке могут встретиться современная философия и теория литературы. Поскольку принято считать, что современная философия ведет к упразднению смысла и опустошению дискурса, то вопрос, что такое негативность – это не только традиционно философский, но и вполне современный вопрос. Поэтому я считаю это хорошим стратегическим выбором <...>

Дж.Х. Конечно, это хорошая тема для конференции, но почему мы обсуждаем этот вопрос сейчас? Можно говорить о негативной эстетике, о негативной теологии, которой Вы занимаетесь в последнее время, – о любой форме

Деконструкция триалог в Иерусалиме. Деррида Ж., Хартман Д., Изер В. filosoff.org
негативной традиции, – но вопрос в том, почему в последние 20–30 лет категория негативности приобрела такое исключительное значение.

Ж.Д. Наверное, можно определить эту тенденцию как "нигилизм". Позиция негативности по отношению к истории философии и культуры означает обязанность осмыслить эту историю, понять, чем она была, т.е. отнестись к ней чисто негативно, поверх гегелевского абсолютного знания, поверх позитивной теологии и поверх диалектики. Это не значит, что мы должны останавливаться на этом негативном моменте. Но это переломный момент.

Дж.Х. Можно ли считать, что этот момент связан с ситуацией неразрешимости, в которой находится современная философская мысль?

Ж.Д. Конечно, термин "деконструкция" на первый взгляд имеет чисто отрицательный смысл. Деконструкцию часто отождествляют с деструкцией. Но во французском языке это слово означает не "разрушение", а "демонтаж", анализ конструкции слой за слоем. Деконструкция в определенном смысле – это способ анализа структуры. Деконструкция появилась во Франции, когда в моде был структурализм, и встала в оппозицию к этому течению.

Структурализм воспринимает любую конструкцию как стабильную и системную структуру, включающую с себя и человека. Деконструкция, в отличие от этого, всегда подчеркивала историческую многослойность структуры.

Дж.Х. Но почему не сказать просто "анализ"? Чем это слово хуже "деконструкции"? Может быть, оно не подходит вам потому, что анализ влечет за собой синтез, что это только этап на пути к синтезу? Можно ли считать деконструкцию деятельностью, ценной самой по себе, независимо от последующего синтеза?

Ж.Д. Конечно, деконструкция аналитична по стилю, но она не только аналитична. Анализ предполагает, во-первых, возвращение к "истокам", к некоторым простым началам, и во-вторых, разложение целого на части. Для деконструкции нет никаких простых начал. Так называемое "начало" всегда уже сложно. Поэтому это не просто анализ.

Дж.Х. Как Вы, как философ, авторитетный в филологических кругах, относитесь к гегелевской традиции, которую упрекали за тоталитаризм?

Ж.Д. Во-первых, я должен заметить, что для меня структурализм – позитивное явление, и во-вторых, что деконструкция имеет дело с философией как таковой. Ее предмет – западная философская традиция в целом: любая философская система может стать ареной деконструкции.

Дж.Х. В таком случае у вас очень широкая арена.

Ж.Д. Да, она не имеет границ. Деконструкция бесконечна, поскольку тексты, с которыми она работает, – это не только тексты в обычном смысле слова, т.е. книги, но и социальные структуры, традиции и т.д.

В.И. Что бы Вы ответили на несколько простодушное замечание, что если бы различные философские системы не содержали так называемых ошибок, то деконструкции нечем было бы заниматься?

Ж.Д. Я бы не называл это ошибками. Деконструкция не исправляет ошибок: это не критика, она деконструирует и саму критику. Критика в смысле литературной критики – это оценка и выбор между двумя возможностями: хорошо и плохо, в пределах нормы и за пределами нормы. Деконструкция ставит под сомнение возможность такого выбора. Это не означает, что она критикует критику, скорее она осмысляет историю концепта "критика". Деконструкция не может рассчитывать на новый язык или новую терминологию. Имеется традиция, т.е. набор известных текстов, известных авторов, известных языков. Деконструкция не изобретает новые термины и новые концепции, а использует старые, применяя к ним новую стратегию.

Дж.Х. Эту стратегию Вы называете "игрой"? Меня интересует, существует ли единый интеллектуальный стиль деконструкции или единый интеллектуальный стиль, объединяющий деконструктивистов при всем многообразии их практики <...>

В.И. Позвольте привести пару примеров, связанных с этой категорией. В своих ранних работах, Джеффри, Вы определяете игру как постоянное стремление человека, с одной стороны, вернуться к истокам, а с другой – превзойти прежние результаты. Эти два противодействия вписаны друг в друга. Что относится также и к термину *differance*, который обозначает несовпадение объекта с самим собой, его несводимость к единству <...>

Дж.Х. Но цель этой деятельности мне не ясна. Деконструкцией можно заниматься без конца. Это как несгораемый куст Моисеев... Вы говорите, у Вас много материала. Но почему бы не взять несколько характерных текстов, подвергнуть их деконструкции и на этом остановиться, объяснив, что хотя работа деконструкции может быть продолжена, нет необходимости ее продолжать. Почему Вы повторяете эту процедуру бесконечно? В чем ее интеллектуальная выгода?

Ж.Д. Наверное, деконструкция не имеет ни цели, ни выгоды. Это не "метод", с помощью которого можно получить какой-то результат. Конечно, в своих

Деконструкция триалог в Иерусалиме. Деррида Ж., Хартман Д., Изер В. filosoff.org

работах я опираюсь на ограниченный набор текстов, но деконструкция движется как бы своим ходом. Это не просто интеллектуальная стратегия. Деконструкция – симптом того, что происходит в мире. Не только в западном мире, но и на границе этого мира с другими мирами.

В.И. Прием редукции в буддизме – это тоже форма деконструкции?

Ж.Д. Знаете, многие люди в Японии и вообще на Востоке говорят, что деконструкция – что-то очень им знакомое. Трудно это понять, но это факт.

Дж.Х. Позвольте использовать очень грубую аналогию, чтобы проиллюстрировать то, что Вы сказали, – расщепление атома. При расщеплении атома выделяется энергия. Когда читаешь деконструктивные тексты, в особенности Ваши, чувствуешь излучение, мощную вербальную энергию. Конечно, Вы можете сказать, что не заботитесь об этом эффекте, и тем не менее это огромное удовольствие – смотреть на Вашу работу с языком. Я не могу отделаться от мысли, что для Вас существенна проблема стиля, и если Ваши тексты получили такой резонанс в филологических кругах, то это потому, что Вы уделяете ей такое внимание.

Ж.Д. Я бы не стал называть это стилем. Стил – это индивидуальный отпечаток, формальная вариация, которую вносит автор, оставаясь в пределах данного ему языка. Меня же интересуют возможности прививки одного языка к другому, возможность скрещивания разных языков, и я работаю с этими возможностями.

Дж.Х. Стил для Вас – это содержимое, новое содержимое?

Ж.Д. Я бы сказал, что я раскрываю возможности языка.

Дж.Х. Неиспользованные возможности языка?

Ж.Д. Неиспользованные или использованные, если можно так сказать...

Дж.Х. Бессознательно?

Ж.Д. Да, в определенном смысле. Когда я читаю текст, неважно, французский или греческий, я выделяю в нем некоторое слово, которое явно существенно для этого текста, но которое не контролируется автором, – слово, имеющее несколько значений, часто противоположных, которые кидают текст в разные стороны независимо от желания автора.

В.И. По-моему, Ваш стил (возьмем это слово в "лапки") сближает Ваше творчество с литературным письмом. Сам факт, что Вы пользуетесь языком, чтобы выразить Ваши мысли, уже говорит, что Вы находитесь в рамках его возможностей. Если сначала Вас интересует, что значит данное слово у данного автора, то формулируя свое наблюдение, Вы сами занимаетесь смысловой "прививкой". Поэтому Ваши тексты сами становятся текстами литературы. Наверное, по этой причине деконструкция вызывает сложное отношение со стороны философов, тогда как у филологов она не вызывает никаких проблем.

Ж.Д. С того момента, когда вы замечаете, что слово не значит что-то одно, что оно может значить две разных и, может быть, две противоположных вещи, – с этого момента вы начинаете замечать материю языка и акт письма. Поэтому деконструкция – это не философская система, это способ письма – не использование языка, а вовлеченность в язык, и вовлеченность в разные языки, в различные идиомы. У Платона "фармакон" значит одновременно "лекарство" и "яд", и текст колеблется между этими значениями, не останавливаясь ни на одном из них <...> Слово никогда не имеет полного смысла. Оно всегда употребляется в одном из возможных смыслов, то есть всегда неполно, разделено в самом себе и требует дополнения.

Дж.Х. Давайте примем Ваш тезис. Но не потому ли деконструкция так разноречива, что она раскрывает возможности одного языка, одной традиции, а именно французской? Я хочу сказать, не потому ли деконструкция так тесно связана с письмом, что она лежит в русле французской традиции XVII века, в которой языковой момент играет очень важную роль? Эта традиция не была прервана ни одной из революций, включая романтическую, и даже Малларме еще чувствует ауру классицизма. Не связана ли деконструкция с развитием этой национальной традиции?

Ж.Д. В деконструкции, по-видимому, присутствует французский элемент, и было бы интересно его проанализировать. Тем не менее в целом деконструкция имеет мало общего с французской традицией, и она без особого энтузиазма воспринимается во Франции. <...> Конечно, французский язык – мой родной, и я воспитан на французской культуре. Но родился я в Алжире, и во Францию впервые попал в девятнадцать лет. Я вырос в еврейском окружении в ситуации, которую можно назвать драматической, – и не только потому, что она привела к алжирской войне. Мне кажется, что я был аутсайдером во французской культуре и говорил с позиции, которая мне не принадлежала. С этим, по-видимому, связана моя, так сказать, экстерриториальность по отношению к различным текстам и традициям и по отношению к французскому культурному ландшафту.

Дж.Х. Ваше замечание о чуждости деконструкции во Франции невольно

Деконструкция триалог в Иерусалиме. Деррида Ж., Хартман Д., Изер В. filosoff.org связывается с ее большой популярностью в Америке. Меня интересует не столько национальный колорит, который приобрела деконструкция в Америке, сколько ее обратное влияние на свой источник. Имеет ли место, по-Вашему, такое влияние?

Ж.Д. Безусловно, обратная связь существует, и она непрерывна. Меня всегда поражал американский энтузиазм по отношению к деконструкции. Наверное, это связано с тем, что в Соединенных Штатах новое резонирует гораздо сильнее, чем где-либо в мире. Люди здесь напряженно работают, и официальные институты им содействуют.

Дж.Х. Повлияло ли это восприятие конкретным образом на Ваше мышление?

Ж.Д. Я бы заметил здесь две вещи. Во-первых, я преподаю в основном в Соединенных Штатах, мои тексты часто раньше появляются в переводе, чем в подлиннике, и легче всего меня заставить по американским адресам. Естественно, я учитываю американскую аудиторию, и это, очевидно, как-то сказывается на моих текстах. Во-вторых, американская аудитория очень разнородна: в ней не только деконструкция сосуществует с другими течениями, но и разные течения деконструкции сосуществуют друг с другом. Вообще, Америка не обычная страна. Это пространство, причем не только академическое. И если ваши тексты резонируют в этом пространстве, то оно становится их медиатором. Если текст принят в Америке, то все остальное уже следствие.

В.И. Нельзя ли связать влияние Ваших текстов с общей культурной ситуацией конца XX века?

Ж.Д. Это очень сложный вопрос, прежде всего потому, что деконструкция не пришелец со стороны, она сама по себе симптом того, что происходит в конце века – не только в области философии, но и в таких областях, как политика и религия.

Дж.Х. Но мы, в конце концов, хотим знать, что такое деконструкция. Просим Ваш диагноз.

Ж.Д. Не думаю, что я могу поставить диагноз, но давайте снова вернемся в Соединенные Штаты. Если люди здесь так восприимчивы к деконструкции, то это потому, что здесь очень сильна традиция эсхатологии и повышена чувствительность к мессианизму и пророчеству. Люди думают, что деконструкция – предвестие конца, что она имеет отношение к концу – философии, теологии и всего западного мира. Деконструкция – симптом конца эпохи.

Дж.Х. Как и конца западной философии.

Перевод с английского (с небольшими сокращениями) Валерия Мерлина

Валерий Мерлин
ГОЛОС ПРИЗРАКА И ЯЗЫК СОБЛАЗНА
(Послесловие к триалогу)

Кто-то первый сказал "а". Сначала аукнулось, потом откликнулось. Диалог зарождается сам собой – и сам собой движется. Диалог полифоничен: все время вступают новые голоса.

Триалог – форма более закрытая: триумвират, коллегия, "тройка". Это форма консенсуса, который начинается с того, что трое собираются вместе (двое могут встретиться, но трое должны собраться). Трое человек не могут поспорить, даже если бы хотели: три голоса всегда сливаются в один. Это и происходит с "Иерусалимским триалогом": академическая дискуссия перерастает в процесс, триалог превращается в trial – в суд над деконструкцией, где приговор ("диагноз") произносит сам подсудимый. Приговор можно опротестовать, но с ним нельзя спорить. Приговор "монологичен", как выражался Бахтин, и "логоцентричен", как выражается Деррида. Вопрос в том, почему Бахтин воплощает идею диалога в форме монографии и почему Деррида участвует в такой недвусмысленной акции, как триалог. Деррида судит письмо с позиции Логоса. Формально он деконструирует критику, фактически критикует деконструкцию – сводит ее к социальному феномену – к "нигилизму".

Если пытаться найти идеологию, которая занимается критикой идеологии, которая сводит философские теории к симптомам "социальных процессов", то наиболее вероятным кандидатом будет марксизм. В сцене триалога невидимо участвует четвертый персонаж – Призрак Маркса (он же Подземный Крот Истории), и поскольку он не подает голоса, то за него говорит Деррида ("Призраки Маркса" – название его последней книги). Можно найти несколько объяснений этому странному единогласию, но лучше всего бросить взгляд на другую сцену.

Во время московской поездки 1992 года кто-то подсказал Деррида, что русским эквивалентом слова "деконструкция" будет "перестройка", и Деррида позже вспоминал это замечание. Сейчас можно с уверенностью сделать обратный вывод: перестройка была деконструкцией, причем не в смысле

Деконструкция триалог в Иерусалиме. Деррида Ж., Хартман Д., Изер В. filosoff.org
реструктурирования, а в смысле деструкции, самоликвидации, которая началась не с горбачевских реформ, но со сталинских чисток, если не раньше (один из признаков деконструктивной неразрешимости – нельзя сказать, когда "это все началось"). Деконструктивный элемент всегда присутствовал в жизни советского человека – в виде того же нигилизма, самоиронии, поскольку жизнь всегда соответствовала лозунгам "с точностью наоборот". Потому что все-таки все началось с Маркса. Марксизм хотел превратиться в практику, и это ему удалось: он стал практикой превращения, практической магией, деконструкцией.

Сценарий триалога – допрос: не столько пытка, сколько осторожное выпытывание: выведать у преступника его вину ("а теперь расскажите о своей нехорошей деятельности"), выудить у больного диагноз. Деррида соглашается с любым диагнозом и подписывается под всяким протоколом – наверное, потому, что знает: подлинной подписи не бывает, подпись – всегда подделка (например, подпись под банковским чеком: стараешься расписаться похоже на свою каноническую подпись). Но если любые определения деконструкции возможны, значит, что-то не в порядке с самими определениями. Или же деконструкция такая болезнь, которая допускает различные диагнозы (симуляция?). Становится понятной уступчивость Деррида: он честно играет в (само)критику, чтобы сделать наглядной игру критики. Это слишком честная критика, поэтому уже не критика. Процесс над деконструкцией незаметно перерастает в процесс деконструкции – в то, что Деррида называет "письмом", его собеседники "игрой" и что можно бы назвать еще – "танцем".

Это явно эротическая сцена: "Сусанна и старцы". С одной стороны – попытки поймать, определить, с другой – провокативное ускользание, убегание, несовпадение с наличием. Эту сцену – в перспективе старцев – когда-то описал Ницше ("По ту сторону добра и зла"):

Предположим, что Истина была женщиной. Ну и что из этого? Разве философы, которые всегда были догматиками, что-либо понимали в женщинах? Разве уступающая серьезность и неуклюжая прямолинейность, с которыми они до сих пор приближались к Истине, были подходящими средствами, чтобы овладеть женщиной?

Ницше не говорит, как овладеть женщиной – может быть, он этого и не знает. Деррида этот вопрос уже не волнует, он как бы знает на него ответ. Потому что он сам в некотором роде женщина. Потому что деконструкция – не "изм", курица – не птица.

Речь идет не только о триалоге и поведении в нем Деррида. Речь идет о тактике деконструкции, о ее сексуальном поведении, о деконструкции как о сексуальном поведении.

Это поведение направлено на целое. Только женщина видит целое эротической сцены и заинтересована в целом. Поэтому ее интерес не является чисто женским, он включает в себя также интерес мужчины. Символ этой двойной игры у Деррида – фармакон ("Аптека Платона"). С одной стороны, это письмо, сила соблазна: "действуя издалека, оно соблазняет, уводит в сторону от прямых путей" – с другой стороны, риторика, проникающая сила фаллоса, сила "речей", которыми Парис соблазнил Елену (соблазнила ли бы ее письмо?).

фармакон – это яд, который проникает в организм под видом лекарства. Это агрессор, взломщик, угрожающий внутренней чистоте и невинности. Но Платон – хозяин аптеки, "успокаивающий" эту силу, превращающий яд в противоядие, – не агрессор. Он хозяин фаллоса-фармакоса, так же, как Деррида, который не участвует в агрессии, а провоцирует ее. Его роль в том, чтобы соблазнить соблазнителя, возбудить критику: роль подстрекателя скорее, чем соблазнителя.

В принципе, философия – женское дело. Это понимал Платон, который заботился о хорошем зачатии – оплодотворении собеседника идеей – и благополучном разрешении его от бремени, и это понимал Хайдеггер: экзистенция – брошенность человека в открытость мира – это ситуация женщины, застигнутой врасплох событием своего со-бытия. Это не мешало философам быть мужчинами и "овладевать Истиной". По крайней мере, они этого хотели, и больше всех Ницше: его метод – свободный дрейф мысли, стремящейся любой ценой получить оргазм (кульмирирующая структура афоризма).

У Деррида хозяином сексуальной сцены становится женщина – не потому, что она в ней доминирует, а потому, что она ее организует. Деконструкция – не концепция и не метод, а особого рода практика, которая состоит в том, чтобы сделать текст "интересным", заострить скрытые противоречия текста – "поставить их ребром" – вызвать эрекцию текста (реакция, которая не зависит от пола автора: точно так же, как метафизику, Деррида актуировал феминизм). Эта практика направлена на текст, поэтому она остается в

Деконструкция триалог в Иерусалиме. Деррида Ж., Хартман Д., Изер В. filosoff.org
рамках его возможностей и эффектов – остается фабрикой призраков, гнездом
сексуальных фантазмов, мыльной оперой письма.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!